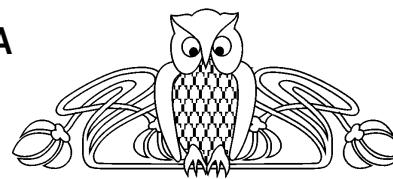

УДК 1 (430)+929 Ницше

Ф. НИЦШЕ: КРИТИКА РАЦИОНАЛЬНОГО ГУМАНИЗМА

А.Д. Кампос

Саратовский государственный университет
E-mail: dioniszagrey@mail.ru

Цель статьи – проанализировать критику Ф. Ницше рационального гуманизма. Ницше полагает, что рациональный гуманизм заводит западный мир в тупик. Его отрицательное влияние заключается в подавлении волевых потенций человека, его духовном порабощении. Следствием этого становятся тоталитарные идеологии и режимы.

Ключевые слова: философия Ницше, рационализм, гуманизм, проект Просвещения.

F. Nietzsche: the Critic of Rational Humanism

A.D. Campos

The primary goal of this article is analysing Nietzsche's critics of rational humanism. Nietzsche believes that rational humanism is the deadlocking way of Western world. Its negative influence interferes with realisation of strong-willed potentialities of the person, enthrals him. The natural results of such situation are totalitarian ideologies and modes.

Key words: Nietzsche's philosophy, rationalism, humanism, Enlightenment.

Западноевропейский рационализм в эпоху Нового времени принимает облик научной рациональности. Соединяясь с гума-

низмом как мировоззренческим вектором становящегося буржуазного общества, он дает жизнь новому феномену – рациональному гуманизму, в котором *ratio* отражает инструментальный, а *homo* – мировоззренческий аспект. Таким образом, как будет показано в работе, в эпоху Просвещения гуманизм, поглощенный, если не сказать, зараженный вирусом научной рациональности, превращается в средство преобразования общества, порабощения человека и потому выступает объектом критики Ф. Ницше.

Хотя исторически эпоха Просвещения является частью Нового времени и базируется на определенных идеях, свойственных этому историческому этапу, следует заметить, что предметная область медитаций философов Просвещения несколько отличалась от нововременной уклоном в сферу социальной и этической проблематики.

В целом рационально-гуманистический «проект Просвещения» сводится к следующим положениям: 1) в своем поведении человек должен руководствоваться разумом, сдерживая порывы и аффекты («волнения утомляют, ослабляют нас»¹); 2) законы морали имеют человеческое, а не божественное «происхождение» и потому должны быть разумны и точны; 3) элиминация чувственно-эмоционального, внерационального позволит человеку реализовать свою свободу; 4) разумность души человека определяет его будущее: стать «господами и властителями природы»²; 5) механистическая картина мира фактически универсальна; 6) природа поддается исчислению: формализация и математизация позволяют повсюду находить «какой-либо порядок или меру»³; 7) вера в прогресс разума (который обеспечит прогресс социальный, нравственный) основана на любви к человеку, достойному быть свободным: необходимо освободить человечество, чтобы дать ему возможность совершенствоваться («уничтожение неравенства между нациями, прогресс равенства между различными классами каждой, наконец, действительное совершенствование человека», – таким видится будущее Ж.А. Кондорсе⁴); 8) требование равенства как требование здравого смысла (равенства в способностях, потребностях, поэтому каждый достоин счастья): природное равенство должно определять социальное равенство; 9) критика церкви, феодализма, деспотизма и частной собственности как залог успешного, гуманного исправления и переустройства мира (исправление виделось в нескольких вариантах: как возвращение к первозданной идиллии или как обретение свободного гражданского состояния); 10) функция просвещения – освободить разум (избавить человека от предрассудков, научить пользоваться разумом самостоятельно, без подсказок и указаний со стороны), воспитать человека, стремящегося к познанию законов природы и преобразованию социальной реальности; 11) оценка силовых параметров, потенциала знания в этических категориях (знание трактуется как сила и оценивается как благо); 12) гуманно то, что идет на пользу человеку, ему во благо, а

именно: процесс и практические результаты применения разума; 13) переустройство общества виделось условием/результатом совершенствования человека: рациональная реконструкция общества должна осуществиться либо «сверху» – усилиями просвещенного монарха, либо «снизу» – силами освобожденного от предрассудков народа (но ни в коем случае не путем анархистских переворотов); 14) исторический оптимизм просветителей в эпоху совершеннолетия (по Канту) разума был фундирован идеями разделения властей, теориями естественного права, концепциями общественного договора.

Отношение Ницше к гуманизму вообще и гуманизму, инспирированному духом рациональности, явно негативно. Рациональный гуманизм изначально антропоцентричен: подразумевает учение о любви к человеку, понятому именно как смысл и ценность мироздания. Это учение синтезирует в себе идеи гуманизма как любви к человеку, антропоцентризма и рационализма как средства удержания центрального положения человека в мире.

Недоверие к тому, что дается непосредственно, и доверие к тому, что осознается, с легкой руки Декарта ложатся в основу новой трактовки свободы. Некритичный и абсолютистский по сути антропоцентризм европейской цивилизации вкупе с редукцией человека к одному только разуму привели к трактовке свободы как рационализации, контроля (над окружающим миром, социумом, аффектами). Свободен тот, кто контролирует.

Человек, начиная с эпохи Нового времени, это «абсолютизированное сознание субъекта»⁵. Но *свободное* подчинение абстрактному разуму, контроль сознания над всей совокупностью проявлений человека, по Ницше, вовсе не составили оптимальную «программу» жизни. В этой связи он решается «философски дискредитировать *сознание* как основу ориентации человека в мире»⁶. Человека необходимо *освободить*, но освободить как раз от репрессивного действия сознания. Однако такой акт милосердия вовсе не входил в «проект Просвещения».

Разглагольствования же о *любви* к человечеству не вызывают у Ницше ничего, кро-

ме чувства неловкости за лицедейство. Учитывая опыт постпросветительских будней, Ницше не считает возможным для свободных умов, «продолжая играть в порядочность, лезть на человечество со своей похотью»⁷. Просветительский азарт, с которым гуманисты стремятся насильно облагодетельствовать человечество, по мнению Ницше, губителен и выражает лишь желание им владеть и манипулировать.

За осуществлением главных просветительских идей (прогресса, гуманизации, демократизации европейской цивилизации) следует, по Ницше, «чудовищный физиологический процесс <...> взаимоуподобления европейцев», селекция человека-приспособленца, «возникновение полезного, трудолюбивого, на многое пригодного и ловкого стадного животного “человек”»⁸. Для Ницше такой проект сродни христианскому: усмирить человека, запугать и повести раба вперед к светлому будущему под неизменными лозунгами «свободы и равенства». И потому он взыскует мужество, но не то мужество пользоваться своим разумом, о котором писал Кант⁹, характеризуя эпоху Просвещения, а *мужество инстинктов*, утраченное в эпоху рационального гуманизма¹⁰. С нашей точки зрения, Ницше потому и не приемлет ни идеала христианского аскетизма, ни просветительского рационализма, что господство подобных учений препятствует возникновению человека «мощного типа».

Однако заметим, что естественность, упоминаемая философом, не имеет отношения к той идиллической «природе», об отдалении от которой сетует Руссо. Подобная замена утраченного христианского рая на утраченную естественность, к которой с необходимостью вернутся люди, вскрывает рациональность и социальную востребованность такой «идиллии».

«Проект Просвещения», основывающийся на рациональности как одной из своих фундаментальных характеристик, задал вектор развития европейской культуры. Превознесение рациональности классического типа (нововременной и просвещенческой) оборотной стороной имело, согласимся с В.С. Швыревым, игнорирование «сложностей взаимо-

отношений рационального и иррационального в сознании и жизнедеятельности людей»¹¹, что означает утверждение тотального господства рациональности в познавательной и социальной сферах.

Критика Ф. Ницше идеалов и принципов Нового времени и Просвещения фактически положила начало рефлексии кризиса концепции рационального гуманизма (хотя, безусловно, и сами просветители, и их младшие современники – Г.В.Ф. Гегель, например, осознавали спорность и неоднозначность некоторых идеологем Просвещения и Нового времени).

И все же отношение Ницше к просветителям было двояким: с одной стороны, «позитивистский» период его творчества связан с именем Вольтера, которому он посвящает одну из своих работ, с другой стороны, сам дух Просвещения с его «гиперрационализмом, с требованием перекроить реальность, исходя из принципов человеческого разума, которому якобы все доступно»¹², вызывает у немецкого философа идиосинкразию.

Условием реализации «проекта Просвещения» Кант четко назвал свободу. Несмотря на то, что рациональный гуманизм явил собой антропоцентристское мировоззрение, основоположенное идеей формирования свободной нравственной личности средствами разума, его формирование оставило нерешенной антиномию – свобода в обществе или свобода во благо общества. Нерешенность этой проблемы увела гуманистическую мысль эпохи Просвещения в сферу подчинения человека разумно устроенному обществу (М. Фуко, задавая вопрос «что такое Просвещение?» и анализируя ответ Канта, замечает, что у последнего состояние несовершеннолетия определяется «формулой “повинуйся и не рассуждай”», а совершеннолетия – формулой “повинуйся и рассуждай”»¹³). Постановка вопроса о соотношении свободы суждения и повиновения в рамках публичного применения разума выводит весь дискурс Просвещения, с нашей точки зрения, на уровень политического.

Проведем анализ отношений политико-правовых категорий «воля всех» и «общая воля» (Руссо), с одной стороны, и «публич-

ное» и «частное применение разума» (Кант) – с другой. По Канту, публичное применение разума касается вопросов «внеслужебных», а частное – вопросов службы¹⁴. Поэтому первая ситуация требует свободы, а вторая – повиновения, послушания, выполнения обязательств. Руссо же интересуется выполнением социальных ролей: человек как частное лицо, представляющее свои частные интересы, должен быть свободен в выражении своей воли (которая есть структурная единица «воли всех»). А как «гражданин», включенный в политическую жизнь государства, он ограничен в своем частном интересе и выражает общие интересы, «общую волю»¹⁵. Так проявляется репрессивность «разумного» мироустройства. Человек может проявлять сколько угодно свою свободу суждения, но как только дело коснется интересов общества и государства, всякому гражданину придется повиноваться.

И даже в условиях столь ограниченной свободы «проект Просвещения» как попытка самостоятельной реализации рационального потенциала человека может быть осуществлен. Но празднование «совершеннолетия» в эпоху Просвещения подготовило-то успех «подросткового бунта» разума в эпоху Возрождения. Возникает вопрос: почему Ницше в таком случае не критикует дух Возрождения, предопределившего нововременной расцвет разума, а обрушивается только на Просвещение?

Ренессанс, по Ницше, был эпохой сильных, мощных натур, недаром редкий случай рождения сверхчеловека немецкий философ находит именно среди представителей итальянского Возрождения. Дух Ренессанса не мешал черни оставаться чернью, а людям одаренным – развиваться и совершенствоваться. В то время как Новое время и Просвещение признали равенство людей – политическое, а порой и социальное. В учении рационального гуманизма идея равенства людей достигла апогея развития (уже не только перед Богом, но и перед лицом друг друга). Демократизм, по Ницше, представляет собой стыдливое признание того, что «в сущности, мы все скопом своекорыстные скоты и чернь»¹⁶. Поэтому-то Вольтер, «аристократ, сторонник

победоносных господствующих классов», борец «за интересы вкуса, науки, искусства» противопоставляется Фридрихом Ницше Жан-Жаку Руссо (жневский гражданин кажется ему воплощением болезненности, злопамятности, плебейской вульгарности и ничтожности духа)¹⁷.

Резюмируя, заметим, что «шантаж Просвещения» (Фуко), то есть неразрешимость вопроса о реализуемости «проекта Просвещения», по-прежнему актуален. Продуктивность многих идеологем Просвещения до сих пор обсуждается, и они все еще имеют весьма авторитетных сторонников. Одним из краеугольных моментов в подобного рода обсуждениях, длящихся более двух веков, стал вопрос о критичности проекта. Первый лагерь образован философами, убежденными в отсутствии критического потенциала дискурса Просвещения, его монологичности и некоей тоталитарности. Сюда относят критиков Просвещения М. Хоркхаймера и Т. Адорно, а также другого представителя франкфуртской школы – Г. Маркузе. В работе «Разум и революция: Гегель и становление социальной теории» (1941) последний полагает, что тоталитаризм и трагедии фашизма (к идеологам которого причисляют порой и Ницше) инспирированы вовсе не Гегелем, а позитивизмом, являющимся продолжателем традиций Просвещения.

Второй лагерь (Фуко, например) придерживается идеи ценности именно критического потенциала проекта, продуктивности критического опыта вопрошания. Примечательно, что Ф. Ницше, критиковавший рациональный гуманизм Нового времени и Просвещения, по сути шел по следам критики просветителей. Ведь большинство объектов критики Ницше совпадает с просветительскими (церковь, зашоренность разума, ограниченность, предрассудки и пр.) с той лишь разницей, что Ницше обрушивается и на осуществленную просветителями десакрализацию, обвиняя их в трансформации религиозного мистицизма, в замене христианства религией разума при сохранении самой сути учения – любви к человеку¹⁸. Ницше же отстаивает *любовь к жизни*.

Таким образом, рациональный гуманизм становится объектом критики Ф. Ницше именно по той причине, что научная рациональность поглотила гуманизм, превратила его в инструмент порабощения человека. Фатальная логика Просвещения привела к саморазрушению разума, в том смысле, что он разрушил саму гуманность, перечеркнув более чем тысячелетнюю традицию философской концептуализации человечности. Разум здесь оказался востребованным лишь в качестве инструментального, как орудие подчинения природы и инстинктов, а значит – и человека.

Примечания

¹ Руссо Ж.-Ж. Письмо д'Аламберу о зрелищах / Ж.-Ж. Руссо // Избр. соч.: в 3 т. / Пер. с фр. М., 1961. Т.1. С.111.
² Декарт Р. Соч.: в 2 т. / Р. Декарт; пер. с лат. и фр.; под ред. В.В. Соколова. М., 1989. Т.1. С.286.
³ Там же. С.90.
⁴ Кондорсе Ж.А. Эскиз исторической картины прогресса человеческого разума / Ж.А. Кондорсе; пер. с фр. М.; Л., 1936. С.149.
⁵ Манхейм К. Диагноз нашего времени / К. Манхейм; пер. с нем.; под ред. Я.М. Бергера. М., 1994. С.63.
⁶ Шадрина Л.Н. Контуры нового гуманизма / Л.Н. Шадрина // Цивилизационный подход к концепции человека и проблема гуманизации общественных отношений / Под ред. С.Э. Крапивенского. Волгоград, 1998. С.228.

⁷ Ницше Ф. Соч.: в 2 т. / Ф. Ницше; пер. с нем.; составление, редакция изд., вступ. ст. и примеч. К.А. Свасьяна. М., 1990. Т.1. С.703.
⁸ Там же. Т.2. С.361.
⁹ См.: Кант И. Ответ на вопрос: что такое Просвещение? / И. Кант // Соч.: в 6 т. / Под общ. ред. В.Ф. Асмуса, А.В. Гулыги, Т.И. Ойзермана. М., 1966. Т.6. С.27.
¹⁰ См.: Ницше Ф. Воля к власти. Опыт переоценки всех ценностей / Ф. Ницше; пер с нем. М., 2005. С.90.
¹¹ Швырев В.С. Рациональность как ценность культуры. Традиция и современность / В.С. Швырев. М., 2003. С.5.
¹² Гайденок П.П. Человек и история в экзистенциальной философии Карла Яспера / П.П. Гайденок // Ясперс К. Смысл и назначение истории / К. Ясперс. 2-е изд. М., 1994. С.19.
¹³ Фуко М. Что такое Просвещение? / М. Фуко // Интеллектуалы и власть: Избр. политические ст., выступления и интервью / Пер. с фр.; под общ. ред. В.П. Визгина и Б.М. Скуратова. М., 2002. Т.1. С.342.
¹⁴ См.: Кант И. Указ. соч. С.29.
¹⁵ См.: Руссо Ж.-Ж. Об общественном договоре. Трактаты / Ж.-Ж. Руссо; пер. с фр. М., 1998. С.219.
¹⁶ Ницше Ф. Воля к власти. Опыт переоценки всех ценностей. С.410.
¹⁷ Там же. С.79.
¹⁸ См.: Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне: двенадцать лекций / Ю. Хабермас; пер с нем. М., 2008. С.34.